

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**Хакимова Фарангиз Надировна**farangizh84@gmail.com*Студентка, Гулистанский государственный университет,
факультет «Филологии»*

В последнее время в связи с увеличением интенсивности международных, следовательно, межкультурных и межъязыковых контактов особое внимание лингвистов и социальных психологов направлено на изучение процесса общения представителей различных культур. Национальная специфика тех или иных лингвокультурных общностей сказывается на результатах и эффективности общения как на речевом, так и на неречевом уровнях и складывается из системы факторов, обуславливающих отличия в организации, функциях и способе опосредования процессов общения, характерных для данной культурно- национальной общности. Эти факторы «прилагаются к процессам общения на разных уровнях их организации и сами имеют различную природу, например, факторы, связанные с культурной традицией, с социальной ситуацией и социальной функцией общения, с этнопсихологией, и, наконец, факторы, определяемые спецификой языка данной общности» [Леонтьев, Сорокин, Тарасов, 1977, с.8-9].

Как отмечается в большинстве современных исследований различных направлений, язык - неотъемлемая и важнейшая часть любой национальной культуры, полноценное знакомство с которой обязательно предполагает попытку проникновения в образ мышления нации, желание взглянуть на мир глазами носителей этой культуры, с их точки зрения. Такое проникновение, разумеется, невозможно без понимания национальной логики мировосприятия и миро оценки, без осознания, «...какой «сеткой координат» данный народ улавливает мир и, соответственно, какой космос (в древнем смысле слова: как строй мира, миропорядок) выстраивается перед его очами. Этот особый «поворот», в котором предстаёт бытие данному народу, - и составляет национальный образ мира». «...Люди... наталкиваются на какой- то предел понимания. Произносятся те же слова, формулы, а мыслится под ними весьма разное - и главная беда в том, что об этом часто и не подозревают. Чтобы мнимое взаимопонимание максимально приближалось к действительному, надо делать поправку на национально-историческую систему понятий и ценностей, т.е. учитывать, что представитель другого народа может видеть мир несколько иначе, чем я» [Гачев, 1988, с.44-45].

Это, в свою очередь, означает, что «глубинное знакомство с семантикой чужого языка предполагает овладение языковой картиной мира (ЯКМ) именно

этого национального языка как системой его видения мира» [Корнилов, 2003, с.78].

Языковая картина мира, как отмечает Г.В.Колшанский, базируется на особенностях социального и трудового опыта каждого народа. В конечном счёте, эти особенности находят своё выражение в различиях лексической и грамматической номинации явлений и процессов, в сочетаемости тех или иных значений, в их этимологии и т.д. В языке «закрепляется всё разнообразие творческой познавательной деятельности человека, которая заключается именно в том, что «он в соответствии с необозримым количеством условий, являющихся стимулом в его направленном познании, каждый раз выбирает и закрепляет одно из бесчисленных свойств предметов и явлений и их связей. Именно этот человеческий фактор наглядно просматривается во всех языковых образованиях как в норме, так и в его отклонениях и индивидуальных стилях» [Колшанский, 1990, с.33].

Таким образом, *национальная* языковая картина мира может быть описана как специфический национальный способ мировосприятия, который отражается в языковой системе каждой нации. Данное положение базируется на теории об основных функциях любого национального языка: коммуникативной (функции общения), информативной (функции сообщения), эмотивной (функции воздействия) и, наконец, кумулятивной - функции отражения, фиксации и сохранения в языковых единицах информации данного языкового сообщества о мире. В этом случае язык выступает не только как форма мысли и орудие получения знания, но и как средство оформления полученного знания. «...Язык определённым образом организует знания человека об объективном мире, расчленяет их и закрепляет в человеческом сознании. В этом состоит вторая основная (после коммуникативной) функция языка - функция отражения действительности, т.е. формирование категорий мысли и, шире, сознания» [Русский язык. Энциклопедия, 1979, с.413]. Следовательно, национальная языковая картина мира - это источник знания о национальном характере и менталитете, это своеобразная база данных, на основании которых можно делать заключения об особенностях национального мировидения.

«Иные вещи на ином языке и не мыслятся», - отмечала М.Цветаева, и эту мысль продолжают современные исследователи: «...не только мысли могут быть продуманы на одном языке, но и чувства могут быть испытаны в рамках одного языкового сознания, но не другого. Иными словами, есть понятия фундаментальные для модели одного мира и отсутствующие в другом» [Падучева, 1996, с.21].

Так, по мнению А.Вежбицкой, русский язык тяготеет к «пациентивным» безличным конструкциям с логическим субъектом в форме дательного падежа («Мне хочется/ везёт/ страшно/ снится/ не спится...»), что позволяет автору

сделать выводы о некоторой склонности русских к «неагентивности» и даже фатализму [Вежбицкая, 1996, с.45].

О.А.Корнилов, развивая мысль А Вежбицкой, добавляет, что и род для носителя языка, в котором эта категория присутствует, - «не логически необъяснимая «несуразность», а ценнейшее духовное наследие, запечатлевшее неповторимую образность мышления далёких предков, ...источник национально-специфических олицетворений и метафор, которые естественны и понятны для одного коллективного языкового сознания, а у носителей другого языкового сознания могут вызвать только недоумение. Носителю русского языка нет нужды объяснять, почему *матушка зима, дедушка мороз, мороз красный нос*. Во многом эти образы основаны на родовой симметрии и при её нарушении, в том числе при переводе на иностранный язык, теряют свою естественность и органичность» [Корнилов, 2003, с.105].

Приведённые выше примеры доказывают, что описание *национальной* языковой картины мира подразумевает исследование конкретных лексических, синтаксических и морфологических особенностей конкретного составляющими всей национальной культуры.

Таким образом, этнопсихолингвистическое и лингвокультурологическое направления, основанные на антропоцентрическом подходе к языку, имеют принципиально важное значение для системы обучения, предлагая множество интереснейших способов выявления и приёмов описания культурологических знаний, служащих реальной базой коммуникации.

В то же время, как отмечает Ю.Е. Прохоров, эти концепции «исходят из изучения культуры для обучения культуре (в языковом учебном процессе), но не обращены на *методику преподавания именно языка* - или как феномена данной культуры, или как средства межкультурного общения в социально обусловленных для каждого участника общения сферах коммуникации» [Прохоров, 1996, с. 83]. В этой связи продолжение исследования данного материала в *методическом* плане представляется необходимым и своевременным.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. - М.: Рус. слов., 1996. - 411 с.
2. Гачев Т.Д. Национальные образы мира. - М.: Сов.писатель, 1988 -445 с.
3. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. - М., 2003. - 347 с.
4. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. - 103 с.
5. Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Национально-культурная специфика речевого поведения. - М.: Наука, 1977. - 351 с.

6. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в преподавании русского языка как иностранного: Дис. ... доктора пед. наук, М., 1996. - 446 с.